

В ПОТОКЕ КНИГ

П.С. Гуревич

ПРАВДА ВЕЛИКОГО ЛИДЕРА

Рецензия на книгу: Назарет П.А. Ганди – выдающийся лидер современности / Пер. с англ. Г.Г. Лысенко. М.: Наука, 2014. 293 с. (Издание на русском языке с учётом изменений и дополнений автора под общей редакцией М.Т. Степанянц).

Аннотация. Статья посвящена разбору замечательной книги П.А. Назарета о выдающемся лидере современности М. Ганди. Едва ли не впервые в мировой литературе раскрыта разносторонняя деятельность Ганди в качестве политика и государственного деятеля. Воссоздана история его формирования и становления в качестве политического лидера. Сам Ганди представлен в данном случае в качестве уникальной личности. Исследователь современной политики или историк найдёт в этой книге ценнейший материал о судьбе великой страны, которая в наши дни становится крупной державой, способной оказывать воздействие на мировые события. Использован метод сравнения двух исследований – книги П.А. Назарета и книги видного американского психоаналитика, одного из основателей психоистории Эрика Эриксона. Приёмы компаративистики позволяют показать заметное влияние Ганди на многих видных деятелей культуры и преобразования в других странах. Впервые в современной литературе сопоставляются методы психоистории и политической философии в целом. П.А. Назарет ссылается на исследования Э. Эриксона. Однако он движется собственным путем, скрупулезно исследуя политическую деятельность Ганди. В то же время на страницах книги вырисовывается образ уникального человека, оказавшегося в весьма драматических событиях истории. Будучи историческим исследованием, книга П.А. Назарета откликается на современные преобразования мира. В этом её несомненная ценность.

Ключевые слова: Ганди, мыслитель, духовный лидер, политика, общественная активность, философия ненасилия, сатьяграха, психоистория, колониализм, история.

Abstract. The article reviews a remarkable book by P.A. Nazareth about an outstanding leader of our time Mahatma Gandhi. The book describes Gandhi's versatile activities as a political figure and statesman for the first time in world literature. It reconstructs the history of his development as a political leader. Gandhi is presented in this case as a unique person. A historian or a researcher in modern politics will find in this book valuable material about the great country that currently becomes a major power capable of influencing global events. The author uses the method of comparison of two books – by P.A. Nazareth and the book by a prominent American psychoanalyst, one of the founding fathers of psychohistory Erik Erikson. Comparativist techniques permit to show Gandhi's significant influence on many cultural workers and transformations in other countries. The methods of psychohistory and political philosophy in general are compared for the first time in modern literature. P.A. Nazareth refers to the works of E. Erikson. But he goes his own way, thoroughly investigating Gandhi's political activities. At the same time, the book portrays the image of a unique man who was involved in very dramatic historical events. Being a historical analysis, P.A. Nazareth's book responds to modern global transformations. This is its undoubted value.

Keywords: Gandhi, thinker, spiritual leader, politics, public activity, philosophy of nonviolence, satyagraha, psychohistory, colonialism.

*«Ибо тот, кто великому делу служит,
Может злоупотребить им в собственных целях,
Даже если поступает правильно».*
(Т.С. Элиот. «Смерть в соборе»)

Книга видного индийского дипломата и общественного деятеля Паскаля Алана Назарета посвящена жизни и деятельности Мохандаса Ка-

рамчанды Ганди – выдающегося мыслителя и духовного лидера XX века, известного во всем мире как «Махатма» («Великая душа»). В предисловии к книге министр иностранных дел России С.В. Лавров характеризует личность Ганди как уникальную, знаменитую и в то же время противоречивую. Его, по словам министра, называли политическим интриганом и бескорыстным борцом за правду,

агентом британских властей и страстным патриотом, поборником консервации архаики и прозорливым провидцем будущего. С.В. Лавров пишет: «Во-первых, книга П.А. Назарета – это «поистине «золотой кладёз высказываний Ганди по широчайшему кругу проблем, позволяющий получить всеохватное представление о том, что можно назвать философией ненасилия. Во-вторых, гандистские идеи рассматриваются в ней в контексте мировой политики и современных международных проблем. В совокупности это убеждает в том, что идеи ненасилия не устарели, а напротив, чрезвычайно актуальны и в наши дни, когда сила, в том числе и военная, применяется в различных регионах мира, унося жизни множества людей. Далеко за примерами ходить не надо – они рядом [1, с. 4].

Можно сказать, что действительно литература о Ганди необъятна. Однако не всё из этого списка известно русским читателям. Уже много лет мы пытаемся заинтересовать какое-нибудь издательство в России переводом книги Э. Эриксона «Правда Ганди». О самой книге говорят с воодушевлением. Однако сомнения вызывает значительный объём этого исследования. Порой издатели спрашивают: а будет ли для наших читателей привлекательной книга об индийском лидере?

Книга П.А. Назарета сомнение рассеивает сразу. Она вызвала немалый интерес у российских читателей (тираж 1000 экз.). П.А. Назарет справедливо утверждает: «Вдохновляют и внушают всеобщее уважение именно те лидеры, кто ратует не за власть, а за правду, не за ненависть, насилие и вражду, а за истину, справедливость и ненасильственное разрешение конфликтов» [1, с. 10].

Что касается Э. Эриксона, то он написал свою книгу в 1969 г. В основу этой книги намеренно положен один «инцидент». Это было одним из первых испытаний сатьяграхи на широком социальном уровне. (Слово «сатьяграха» означает «сила», «правда».) Во время ненасильственной конфронтации между тысячами индийских рабочих и владельцами текстильных фабрик Ганди, известный тогда как махатма (человек, с «великой душой»), возглавил рабочих, и оказал влияние на обе стороны, на владельцев фабрик и на рабочих, чтобы они поступили «по справедливости». Во время этого противостояния Ганди соблюдал пост. При этом для него важнее всего было подать личный пример, а не заставить владельцев фабрик пойти на уступки, вызвав у них чувство вины или страх перед социальными последствиями в случае его

смерти. Он прекрасно понимал, что соблюдение поста из гордости и ради устрашения легко могло стать рычагом власти.

Цель Ганди состояла в том, чтобы разделить среди беднейших рабочих скудные запасы продовольствия, и показать, что жизнь, которую нельзя отдать за правое дело, не имеет смысла. Или ещё хуже: не быть готовым умереть за то, что сегодня является истинным, означает отказ человека от единственного шанса прожить полноценную жизнь.

Дважды Эриксон подолгу жил в промышленном городе Ахмадабад, где произошел «инцидент», который был в достаточной мере разрешён, но всё же не полностью. Он лично познакомился с представителями обеих сторон, изучал труды Ганди и работы о нём и в результате создал свою версию развития необыкновенного человека, который мог чувствовать как миллионы людей и сам убедительно представлять интересы индусов. Необычайная сложность индийской жизни, колониальный статус, кастовая система, различные религии, вера в продолжение жизни в различных кастах – со всеми этими факторами должен был считаться Ганди. Так же трудно было и Эриксону, пытавшемуся понять, каким образом человеку удалось объединить в себе и представить «правду Ганди» так, что миллионы людей почувствовали, что и они тоже являются её правдой. Труд Эриксона – это не просто книга о человеке, это книга о людях в особых условиях. Пример: взятие на себя ответственности за бессмысленное страдание посредством того, что человек сознательно решает страдать, в рамках новой ритуализации, такой, как сатьяграха, может переживаться как просветляющее овладение судьбой.

Э. Эриксон проявляет интерес к Ганди как психолог, П.А. Назарет главным образом хочет представить индийского лидера как политика и человека. О работе Эриксона он знает и поэтому порой ссылается на неё. Но он не проследивает жизнь Ганди с такой дотошностью, как Э. Эриксон. Тот с явным уважением описывает жизнь Ганди с самого детства, чтобы показать, какие элементы его развития достигли синтеза и стали действенными в зрелом возрасте, когда он приобрёл огромный авторитет. При этом Эриксон не впадает в удобные психоаналитические «объяснения», подменяющие собой настоящее понимание. Он совершенно определённо говорит, что

считает дешёвым успехом, анализируя личность необыкновенного человека, ретроспективно описывать его эдипов комплекс и не уметь объяснить, что делает этого человека и его комплекс таким необыкновенным.

П.А. Назарет пишет: «Если судить по масштабу достижений, а также по тому историческому и вдохновляющему влиянию, какое оказал каждый из указанных современных лидеров, Ганди нет равных» [1, с. 12]. Роль лидеров в истории огромна. Недаром Н.А. Бердяев считал, что историю двигают личности. Подчас их вклад, по его мнению, незаметен современникам, однако долгодействующее воздействие поразительно. Автор книги показывает, что в дальнейшем пример Ганди вдохновлял ненасильственную народно-освободительную борьбу, в результате которой осуществилась деколонизация, был положен конец расовым притеснениям в США и Южной Африке. В самом деле всего несколько десятилетий назад в США видели таблички «Только для белых», а сегодня пост президента Америки уже второй срок занимает чёрный лидер. Заветы Ганди неизменно ощущаются в борьбе народов Тибета и Бирмы, в деятельности защитников окружающей среды и социальных активистов во всем мире.

Несомненно, исследование П.А. Назарета можно отнести к психоисторическим исследованиям. Так называется новая психологическая дисциплина, которая родилась на стыке истории и психологии. Её создателем как раз и является американский психолог Э. Эриксон. Психоисторики считают, что жизнь человека обусловлена его историческим контекстом, но при этом огромную роль играет и внутренний мир человека. Психология эпохи, которая порождается во многом психологией личности, оказывается важнейшим фактором социальной истории. Психоистория сложилась под влиянием идей эгопсихологии (Г. Гартман), которая подчеркнула роль адаптивных функций психики, и сравнительной культурантропологии (М. Мид), показавшей культурную специфику и разнообразие биологически обусловленных форм поведения человека. На формирование психоистории огромную роль оказала также клиническая практика в США. Психоисторики поставили задачу изучить социокультурные параметры исторической эпохи, прежде всего характерных особенностей ее духовной атмосферы.

Продолжая традиции психобиографий выдающихся деятелей мировой культуры и политики,

созданных З. Фрейдом, и биографики К. Ясперса, психоисторики совершили примечательный поворот в этой области. Они отказались от функций классического исторического анализа. Задача психоистории сводилась к показу того, как отдельные личности обеспечивают духовный климат эпохи. Внутриличностные конфликты творческих людей – М. Лютера, Т. Джефферсона, М. Ганди, Б. Шоу, М. Горького – Эриксон изучал как выражение социально-психологических проблем их времени и культуры. Главной методологической установкой психоистории стало своеобразное положение, которое постулировало принцип психосоциального соотношения интимно-личностных и социально-исторических коллизий. Таким образом фиксировался важнейший «исторический момент», который определял судьбы истории.

Психоистория развивалась достаточно быстро. В Германии вышло немало трудов о нацизме. Это направление исходит из положения, что существуют бессознательные императивы человеческих действий. Это предполагает наличие более ранних уровней психического, которые уже не осознаются субъектом, но в то же время способны воздействовать на его поведение. При этом мы часто оказываемся свидетелями конфликтов между сознательными установками и бессознательными стремлениями на индивидуальном и массовом уровне. Социально-политическая история часто не получала адекватного объяснения, однако применение методов психоанализа, культурной антропологии и социальной психологии изменило положение.

Психоисторический метод часто называют генетическим, поскольку он подчёркивает значение предшествующего опыта. Такой подход предполагает, что реальности настоящего непрерывно динамически взаимодействуют на бессознательном уровне с личным и коллективным прошлым. Для психоисторика важно не только понимание неких вневременных универсальных фантазий, но и выявление их специфических выражений в данном месте и времени.

Они показывают, как социальные травмы – война, голод, экономические кризисы, эпидемии – отличаются по своему воздействию друг от друга, обуславливая вместе с тем характер функционирования группы и стиль лидерства. Американские специалисты не раз применяли методы культурантропологии, и в частности концепцию «модельной личности», к изучению германского национального характера. Психоистория оказалась также полезной

для понимания массовых фантазий и движений, основанных, в частности, на рабской ненависти.

В книге П.А. Назарета много исторических фактов, политических подробностей. Исследование строится на многочисленных иллюстрациях поведения лидеров и масс. Но психологический ракурс в ней присутствует постоянно. Нередко он сопряжён и с религиозным профетизмом. П.А. Назарет пишет: «Главной составляющей лидерского искусства Ганди было его возвышенное видение, согласно которому человек, этот венец Божественного творения, может и будет жить в мире и гармонии, если станет твердо придерживаться Истины, Любви и Ненасилия» [1, с. 24].

Диктаторы и тираны имели в истории огромную власть. Гитлер, «стойкий юноша», стал «вожаком банды», державшим в кулаке подростков, которых он терроризировал и склонял на преступления, после чего у них уже не было пути назад. Эриксон сравнивал влияние особого мира представлений и переживаний у американцев и у немцев. Германия была изолирована. Люди испытывали потребность в жизненном пространстве и ощущали внутреннюю раздробленность. В этом отношении от Германии разительно отличались США, где жители привыкли к изменяющимся границам и волнам эмиграции. Поскольку все люди живут с чувством пространства, вполне возможно, что чувство индивида своего личного жизненного пространства превратилось в своего рода чувство «жизненного пространства всего народа».

Хотелось бы понять сущность современного вождизма. Можно согласиться с тем, что он иной, нежели тот, о котором писали Х. Арендт, Э. Фромм, К. Ясперс, Э. Эриксон. Возможно, зрелость современного сознания исключает культ личности. Однако авторитарное сознание выглядывает из всех окон, прорастает повсеместно. Властолюбие – феномен не только социальный, этический, культурологический. Догадки Ф. Ницше и А. Адлера о властолюбии как антропологическом явлении не лишены оснований. Не потому ли вполне нейтральное по своим истокам понятие харизмы утратило свой первоначальный смысл и стало своеобразным оправданием тиранства, цепкой и безудержной власти? Удалось ли современной философии освоить огромный пласт литературы, рождённый после второй мировой войны? Смогли ли диагносты и экзегеты власти, как они надеялись, поставить крест на повторном явлении тоталитаризма, доказывая его ущербность и недолговечность? Сумел

ли постмодернизм, который как будто находится на излете, дать развёрнутую феноменологию причин, ведущих к возрождению тоталитарного мышления и жёсткой политической практики?

Вождь – это историческая эпоха, а не усреднённый политический персонаж. Мы стремимся сегодня выявить признаки тоталитаризма как сложного комплекса социальных слагаемых. Мы подчеркивали, что в России сегодня невозможно установить диктатуру, даже опираясь на идеологию модернизации. Однако нет ли резона в предостережении Артура Шопенгауэра, который считал, что очередная война начинается тотчас же, как подрастает новое поколение, не имевшее опыта бедствий и страданий? Стоит ли с академическим спокойствием ждать, когда сумма разрозненных факторов сложится в некий скорбный для человечества результат? [см.: 2].

Каким же образом рождается лидер? П.А. Назарет отмечает, что Ганди был в детстве и юности крайне застенчив, боязлив. В жизни Ганди произошли события, которые изменили его характер. П.А. Назарет пишет: «Ключ к пониманию перехода от крайней робости к бесстрашному лидерству можно найти в эволюции того, что духовно питало Ганди» [1, с. 29]. О чём же речь? О сострадании, преданности делу и решительности. Немалую роль в становлении лидера сыграла его «историческая голодовка до смертельного исхода» в сентябре 1932 г. Каждая голодовка Ганди приводила в состояние крайнего беспокойства как всю Индию, так и британскую администрацию.

Писать с психоаналитических позиций о великих людях ни для Эриксона, ни для Фрейда (в его очерке о Леонардо да Винчи) не означало проводить разбор клинического случая. Эриксон не сводил Лютера, Ганди и Гитлера к «случаям», на которых можно продемонстрировать скрытые комплексы. Фрейд заявлял в связи с этим: «И оно (психиатрическое исследование) полагает, что никто не велик настолько, чтобы ему было зазорно подчиняться законам, с равной строгостью управляющим и нормальным, и болезненным поведением» [3]. Эриксона интересовали синтез сил, преодоление слабостей, исторические, географические, социально-экономические и этические данности. Эта взаимосвязь интересов в свою очередь определяется его собственными особыми дарованиями, его психоаналитическими открытиями и его опытом.

Результатом применения психоаналитических знаний к исследованию исторических

личностей и эпох, как уже отмечалось, явилось возникновение новой «рабочей области» – «психоистории». Как и следовало ожидать, одни её популяризировали, другие отвергали как дисциплину, а тем, кто разбирался в психологии и истории, она давала более глубокое понимание. Историки справедливо хотят, чтобы психоаналитики больше знали о фактах и методологии истории, а психоаналитики – чтобы историки, рассуждая о влиятельных личностях, больше знали о психологии. Ибо когда историки отрицают какой-либо интерес к психологии и утверждают, что для объяснения поступков определённого исторического персонажа опираются лишь на «здоровый смысл», – это не более чем самообман. Имплицитно подразумевается, что человек ведёт себя, руководствуясь исключительно сознательными мотивами и не испытывая бессознательных влияний. Кроме того, подобная позиция привела бы к приписыванию человеческим поступкам всех психических и мотивирующих сил, поскольку – специфически или неспецифически – психические факторы отрицаются. Когда кто-то утверждает, что опирается только на «здоровый смысл», то, скорее всего, он просто будет избегать объяснения предпосылок, лежащих в основе мотивации любого поступка.

Организаторские способности Ганди проявились, прежде всего, в том, что он преобразовал Индийский национальный конгресс в период между 1915 и 1930 гг. П.А. Назарет подчеркивает: «Искусный лидер не может не быть превосходным стратегом» [1, с. 44]. Разрабатывая стратегию сатьяграхи, Ганди не пытался оснастить её новой философией. Он полагал, что истины и не-насилие стары как мир. При проведении кампаний сатьяграхи, походов, голодовок, молитвенных собраний, а также переговоров с политическими противниками и британскими властями Ганди соблюдал принципы прозрачности и гуманизма.

П.А. Назарет отмечает, что Ганди чтит все религии, он был противником прозелитизма. Ганди обладал широтой мировоззрения. Это позволило ему мобилизовать и возродить индийский народ. В конце Первой мировой войны, когда Ганди появился на политической арене Индии, Англия была в зените своего могущества. К этому времени Германская, Австро-Венгерская и Османская империи потерпели поражение и были разрушены. Черчилль, как известно, отказался поддержать требование Индии о предоставлении независимости. Но

через пять лет все изменилось – Индия стала самостоятельным независимым государством.

Эриксон ставит вопрос: должен ли психоаналитик исследовать и реконструировать исторические события? Он отвечает на этот вопрос утвердительно, не отрицая возможности заблуждений, которые могут возникать даже у тех, кто достаточно хорошо знает историю. В задачи психоаналитика входит исследование процесса, способного как «скрывать», так и «прояснять», находить «рационализированные» интерпретации событий, которые на самом деле объясняются другими причинами и целями. Говоря кратко, историческое описание является «гигантским процессом», представляющим собой феномен, аналогичный «вытеснению», с которым психоаналитику приходится сталкиваться ежедневно. А потому, – пишет он, – механизмы исторического вытеснения и регрессии, рационализации и переработки являются пригодными объектами исследования для психоаналитически обученных психоисториков.

Однако инструменты, которыми располагают психоаналитики и историки, по мнению Эриксона, недостаточны, чтобы провести исследование сатьяграхи, за которую ратовал Ганди. Его интересует именно средний возраст махатмы и становление его личности; Эриксон хотел больше узнать о нравственной силе Ганди, в которой соединяются многие истины, и рассказать нам о ней.

Следовательно, «Правда Ганди» отнюдь не является патографическим или нормографическим сообщением о психическом развитии Мохандаса Карамчанда Ганди. В книге содержится множество конкретных сведений о его детстве и родительском доме, о женитьбе в тринадцать лет, о смерти отца, об изучении юриспруденции в Англии, об обете не есть мяса, о его «неудаче» как адвоката по возвращении в Индию, об отказе от сексуальных отношений в тридцатилетнем возрасте и т.д. Мы получаем представление о «монийе», младшем сыне, обладавшем живым характером, и обнаруживаем в его дальнейшей жизни черты характера, которые по-прежнему напоминают об этих качествах. Он знает, как притесняют вице-короля и как за ним следят. Он знает, что британцы – это «особый случай», и постоянно вступает с ними в стычки, надеясь, что результаты окажутся полезными для обеих сторон.

Таким образом, Эриксон изображает основные черты личности Ганди – мальчика, молодого человека и махатмы, достигшего зрелого возраста.

Тем не менее он не склонен объяснять достижения великого вождя, основываясь на детских характеристиках. Читателю становятся понятными определённые черты личности, которые можно проследить до самого детства. Тем не менее Эриксон нигде не пытается объяснить ими последующее величие Ганди. Однако они помогают почувствовать тесную связь с Ганди и приблизиться к переживанию, которое побудило Эриксона задать вопрос, адресовавшийся в первую очередь тем, кто лично знал Ганди: «Что было в нём главным?».

Эриксон часто обращается к Ганди, словно тот ещё жив. Он пишет: «Я облеку мою критику в слова и могу только надеяться, что найду в себе мужество адресовать их Вам, словно Вы по-прежнему живы. Моим оправданием того, что подхожу к Вам так близко, является убеждение, что – в странной инверсии традиционных ролей Востока и Запада – психоаналитические знания могут служить дополнением к Вашему пониманию правды: ибо Вы в настоящее время являетесь образцом активизма в нашей культуре, тогда как западное мышление разработало новую технику интроспекции» [4]. (И далее: «Тут мне хотелось бы совсем кратко пояснить, почему я считаю, что психоаналитический метод как таковой благодаря своей особенности всегда оставаться самоанализом и вместе с тем попыткой понять внутренние конфликты другого человека является дополнением Вашей сатьяграхе, – ведь она ненасильственно противостоит *внутреннему врагу*» [4, р. 289-290]. И ещё чуть ниже: «Изучая Ваш метод сатьяграхи, я всё больше и больше убеждался, что психоанализ, если оценивать его не по физикалистской терминологии и теории, а понимать так, как следует его практиковать и осуществлять в соответствии с правилами и замыслами его создателя, подобен *методу правды* со всеми импликациями, присущими слову «правда» в сатьяграхе. Это, смею утверждать, больше чем просто шаткая аналогия; скорее, речь идёт о соответствии методов и конвергенции человеческих ценностей, имеющих историческое, если не эволюционно-историческое значение» [4, р. 290]).

Таким образом, мы узнаем *что* самое главное в книге Э. Эриксона. Речь идёт о «правде», методе, этике, исторической актуальности, актуальности Ганди, а также об имплицитно подразумеваемой надежде и вере в будущее людей. Этой верой жил Махатма, homo religiosus. Вместе с тем Эриксон, говоря о методе, основанном на правде, которая согласуется с другими «правдами» – открытиями это-

логии и психоанализа, – похоже, надеется, что у всех людей можно всё же создать чувство общности.

В отличие от большинства высших животных у человека в рамках вида сформировались «псевдовиды». Цветом кожи, географической родиной, воспитанием, экономическими условиями жизни и т.д. одни люди настолько отличаются от других, что кажется, будто они относятся к разным видам. В Индии, для которой характерны максимальные религиозные и кастовые различия, нашёлся человек, сумевший за короткое время соединить и воплотить в себе все идентичности «человека» и начавший разрабатывать метод, с помощью которого, как он надеялся, удастся создать справедливую совместную жизнь, основанную на силе правды.

П.А. Назарет пишет: «Неизменная приверженность истине довольно рано заставила Ганди ощутить несправедливый, угнетательский характер кастовой системы по отношению к тем, кто не принадлежал даже к низшим её сословиям, а именно к людям, не входившим ни в одну из каст, которых главным образом называли «неприкасаемыми» или атишудрами, панчамами и париями. Этим несчастным людям, которые веками вынуждены были жить за пределами поселений, выполнять самую презираемую, грязную работу и довольствоваться отбросами, он дал другое имя – «хариджаны» (Божьи дети) и сделал их освобождение неотъемлемой частью национальной борьбы за независимость» [1, с. 75-76].

Социальное расслоение на протяжении всей разумной истории человечества служило импульсом для смены общественного устройства. Оно закреплялось в кастах, рабстве, сословиях и классах. Но таких темпов социальной динамики, которые характерны для нашего времени, история не знала. В общественной практике наших дней ожили и изменились все виды социальной стратификации.

Остаётся вопрос: насколько достоверны результаты подобного рода междисциплинарного исследования? Историки Бондурант и Фишер исследовали «Правду Ганди». Они полагают: «Эриксон производит свой экскурс в прошлое Ганди путём обычного перечисления исторических событий и клинического приближения к истории жизни. При этом он стремится как можно точнее определить характер и границы своего исследовательского метода» [5]. Они считают, что Эриксон, с одной стороны, даёт нам новое видение сложной проблемы и избавляет нас от многих, скорее всего, неверных интерпретаций метода Ганди, но, с другой стороны, для тех, кто читает книгу прежде все-

го для того, чтобы понять сущность Ганди, многое оставляет неясным. Они пишут, что Э. Эриксон творчески и непротиворечиво соединил то, чему научился у Фрейда и Ганди. Каждый, кто имел редкую возможность пережить воздействие сатьяграхи и психоанализа, может сразу согласиться с Эриксоном в том, что сатьяграха и психоанализ дополняют друг друга.

Оба историка приводят список соответствий между психоанализом и сатьяграхой, которые можно найти в «Правде Ганди»:

1. Тому и другому присущ самоанализ в сочетании со стремлением понять конфликты другого человека, будь то пациента или оппонента;
2. Оба стремятся к ненасильственной конфронтации с *внутренним* врагом;
3. Обе формы «просвещения» ратуют за самоанализ, то есть за необходимость признания того, что человек повинуется внутренним механизмам;
4. Оба подхода заменяют моральное подавление верой в то, что правда обладает достаточной силой, чтобы побудить пациента (или оппонента) раскрыть вытесненное;
5. Тот и другой признают, что правда может проявиться лишь при условии отсутствия насилия;
6. И аналитик, и вождь сатьяграхи осознавали необходимость принятия собственного страдания.

Таким образом, слово «психоистория» явилось одним из тех составных слов, которыми обозначают новую область исследования. Э. Эриксон не создавал психоистории, но его работы позволили ему занять ведущие позиции в этой области. Если обратиться к очерку З. Фрейда, посвящённому Леонардо да Винчи, то мы можем увидеть, что психоанализ, по крайней мере *частично*, может способствовать пониманию великого человека. Эриксон, как и некоторые другие до него, сопоставил ряд фактов и субъективных сообщений о ранней жизни Ганди и событиях, предшествовавших «инциденту». Он сопоставил все эти конкретные факты, чтобы рассказать историю этого человека, о его «правде» и «инциденте», случившемся в определённое время и в определённом месте.

Список литературы:

1. Назарет П.А. Ганди – выдающийся лидер современности / Пер. с англ. Г.Г. Лысенко. М.: Наука, 2014. 293 с.
2. Гуревич П.С., Гусейнов А.А., Луков В.А. «Вожизм в современном мире» в рубрике «Круглый стол» // Вестник аналитики. 2010. № 3(41). С. 116-140.
3. Фрейд З. Воспоминания Леонардо да Винчи о раннем детстве: сборник. М.: Эксмо, 2010. 608 с.

Но форма, в какой он это сделал, проясняет внутренние взаимосвязи психосоциальных воздействий, которые дотоле ещё не были поняты. Эта книга представляет собой труд необычайной сложности, в ней речь идёт о человеке, его народе, его правде и его исторической эпохе, и в ней, несомненно, можно обнаружить необычайный интерес автора к актуальным этическим проблемам. Кто ищет в этой книге «правду о Ганди», её не найдёт. Но он в ней обретёт ощущение достоверности, правдоподобия того, что говорится о человеке и тогдашнем событии (которое для многих являлось «репетицией» того, что должно было случиться позже). «Объяснить» и дать чёткое и упорядоченное описание человека такого масштаба невозможно. Ни Ганди, ни Эриксон, его биограф, не претендовали на то, что знают «правду», но каждый из них своими поступками пытался её воплотить.

В отличие от Эриксона П.А. Назарет выступает как политический философ. Его интересует эмансипация индийских женщин, отмена системы контрактного труда, ликвидация пережитков феодализма, возрождение сельских промыслов, гармонизация отношений труда и капитала и концептуализация внешней политики Индии. Таким образом, деятельность Ганди выступает в спектре самых неожиданных тем и проблем. Его активность в книге П.А. Назарета воссоздана с рельефной полнотой.

Но в книге П.А. Назарета разносторонне раскрыто и влияние Ганди, причём не только в сфере политики. Он оказал воздействие на деятелей науки и культуры с мировым именем. Автор книги пишет: «Лауреат Нобелевской премии по литературе за 1915 год Ромен Роллан впервые узнал о Ганди от Рабиндраната Тагора и Чарльза Эндрюса, а позднее прочёл его труды и речи. Роллана чрезвычайно воодушевляла одухотворенность Ганди и его ненасильственная борьба за освобождение Индии от колониализма и собственных социальных пороков» [1, с. 101].

Отметим и несомненные достоинства самого издания. В книге есть глоссарий, обширная библиография и сведения о самом авторе.

4. Erikson E. Gandhi's Truth: On the Origin of Militant Nonviolence. N.Y., 1969. (На немецком языке: Gandhis Wahrheit, Frankfurt/M.: Insel, 1971).
5. Fisher/Bondurant: (Buchbesprechung) Gandhi's Truth. Am. Hist. Rev. 76, 114, Okt. 1971.
6. Адамс Эдвард К. Творчество Эрика Х. Эриксона // Энциклопедия глубинной психологии. Т. III. Последователи Фрейда / Пер. с нем. М.: Когито-Центр, 2002. 410 с.
7. Гуревич П.С. Политическая психология. 2-е изд. М.: Юрайт, 2013. 565 с.
8. Степанянц М.Т. Восточная философия. Вводный курс. Избранные тексты. М.: Восточная литература, 1997. 503 с.

References (transliteration):

1. Nazaret P.A. Gandhi – vydayushchiysya lider sovremennosti / Per. s angl. G.G. Lysenko. M.: Nauka, 2014. 293 s.
2. Gurevich P.S., Guseinov A.A., Lukov V.A. «Vozhdizm v sovremennom mire» v rubrike «Kruglyi stol» // Vestnik analitiki. 2010. № 3(41). S. 116-140.
3. Freid Z. Vospominaniya Leonardo da Vinchi o rannem detstve: sbornik. M.: Eksmo, 2010. 608 s.
4. Erikson E. Gandhi's Truth: On the Origin of Militant Nonviolence. N.Y., 1969. (Na nemetskom yazyke: Gandhis Wahrheit, Frankfurt/M.: Insel, 1971).
5. Fisher/Bondurant: (Buchbesprechung) Gandhi's Truth. Am. Hist. Rev. 76, 114, Okt. 1971.
6. Adams Edvard K. Tvorchestvo Erika Kh. Eriksona // Entsiklopediya glubinnoi psikhologii. T. III. Posledovateli Freida / Per. s nem. M.: Kogito-Tsentr, 2002. 410 s.
7. Gurevich P.S. Politicheskaya psikhologiya. 2-e izd. M.: Yurait, 2013. 565 s.
8. Stepanyants M.T. Vostochnaya filosofiya. Vvodnyi kurs. Izbrannye teksty. M.: Vostochnaya literatura, 1997. 503 s.